

Интеллектуалы, социальные классы и революции¹

МАЙКЛ УОЛЦЕР

ОЛЬШИНСТВО пишущих о революции марксистов, будь то ученые или политики, акцентируют внимание на важнейшем вопросе: как начинается революция? Каковы ее причины? Удивительно, но последствиям уделяется гораздо меньше внимания. Определенный агностицизм в отношении результатов, кажется, был присущ левацким мыслителям по меньшей мере с эпохи 1789 года. Таким было изречение Сен-Жюста, подхваченное Наполеоном, и, вероятно, более соответствующее образу великого полководца: «On s'engage et puis, on voit»². Маркс искал исторические корни подобного агностицизма, отправляясь, правда, от обстоятельств последней, пролетарской, революции. Мир, законы которого наука может раскрыть и объяснить, лежит по эту сторону такого рода катастрофических событий, а что находится по другую их сторону, по большей части, неведомо. Или, еще точнее, мир можно понять лишь через его отрицание — угасание государства, ликвидация частной собственности, достижение бесклассового общества — а не через позитивные смыслы и сущности. «Диктатура пролетариата» остается выражением, лишенным содержания; политические, административные, экономические черты коммунистического общества никогда серьезно не обсуждались.

Ленин и Троцкий заложили основы теории результатов революции, но детально ее не развили; не занимали их и политические последствия революций, ведь начать размышлять о них означало бы подрывать собственную деятельность. Однако пре-

1. Перевод выполнен по изданию: © Walzer M. Intellectuals, Social Classes, and Revolutions // Democracy, Revolution, and History/T. Skocpol (Ed.). Ithaca, NY; London: Cornell University Press, 1998. P. 127–142.

2. ввяжемся в бой, а дальше посмотрим (франц.). — Прим. пер.

жде чем браться за дело, они должны были иметь хотя бы общее представление о том политическом режиме, созданию которого отдавали себя без остатка. В любом случае, имплицитно эта идея присутствует в их работах, ее я и попытаюсь изложить. Я не претендую на то, что мои реконструкции — это «именно то, что Ленин и Троцкий имели в виду». Это один из возможных подходов к инициированным ими рассуждениям. Я лишь следую имеющимся свидетельствам, изредка обращаясь к примерам, на которые лидеры большевиков никогда бы не обратили внимание. Свидетельства в первую очередь касаются внутренней структуры революции, последовательности событий и переплетения порожденных этим процессом сил, а во вторую — двух совершенно различных его исходов.

Термин «революция», очевидно, нельзя использовать для обозначения любого посягательства на существующий порядок или попытки захвата власти. Военные перевороты не являются революциями, как не являются ими и антиколониальные бунты. В мире, в котором политические потрясения столь распространены, этот термин применим лишь к небольшому кругу явлений: сознательные попытки установить новый моральный и материальный миропорядок и провозгласить или заложить радикально новые модели повседневного поведения. Священное содружество, республика добродетели, коммунистическое общество — вот цели революционеров. Я сконцентрируюсь на великих революциях — английской, французской, русской и китайской — в которых современный радикализм достиг своего предельного выражения, а новый мир проявился наиболее отчетливо. Сущностное содержание структур и результатов этих четырех революций обнаруживает очевидные сходства, сколь бы глубокими ни были имеющиеся различия. Мы видели революции Ленина и Мао, а значит, агностицизм уже не является ни удобной, ни достаточной альтернативой. К несчастью, не привели они и к созданию мира свободы, свободного от цепких пут социального анализа.

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ КЛАССОМ И АВАНГАРДОМ

Революция — это проект, но важно указать, чей именно. Ленин ставит этот вопрос в работе «Что делать?». Он предполагает, что, изучая силы, совершающие или пытающиеся совершить революцию, мы мгновенно различаем две группы с разными политическими возможностями и амбициями: революционный класс, недовольство которого придает процессу энергию, а участники

служат источником живой силы, и интеллектуальный авангард, обеспечивающий идеологию и руководство³. Авангард лишь в небольшой степени формируется выходцами из революционного класса. Их доля зависит во многом от социального состава класса, доступности образования для его представителей и т. д. Так, значительная часть пуританского священства происходит из небогатого дворянства; а среди китайских коммунистов-интеллектуалов лишь немногие принадлежат к беднейшим слоям крестьянства. По большому счету, хотя вовлеченные классы в корне различаются от революции к революции, их авангарды в социологическом отношении тождественны. Их порождает средний класс и профессиональные сообщества, их родители — благовоспитанные землевладельцы, торговцы, священники, адвокаты, мелкие чиновники. Их вовлечение начинается в школе, а не на улицах, в магазинах, на фабриках или в деревнях.

Впрочем, существование собственного сознания в явном виде Ленин допускает лишь в отношении пролетариата и марксистской интеллигенции. Классовое сознание начинает развиваться в момент спонтанного притязания членов данных классов на общий интерес — так, как он может восприниматься людьми, все еще живущими при старом порядке и мыслящими в рамках его возможностей. Шансов у них немного, они полны амбиций, но зажаты в тиски или сильно скованы борьбой за простое выживание. Они должны преуспеть, либо будут обречены заботиться о хлебе насущном каждый день своей жизни. Разделяемое ими сознание своей обездоленности подталкивает их к кооперации ради защиты и получения краткосрочной выгоды. Отсюда возникает парламентаризм английского мелкопоместного дворянства и тред-юнионизм современного рабочего класса. Хотя жизненные модели революционного класса могут намечать новый социальный порядок, его сознательные действия ограничены пределами старого и нацелены на приспособление там, где только возможно. Сознание класса редко порождает инновационные формы политической деятельности. Идея радикальной трансформации существующих общественных отношений привносится в революционный класс представителями авангарда⁴.

3. Ленин В. И. Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5 изд. М.: Политиздат, 1963. Т. 6. С. 6–27 (далее — ПСС 5). Здесь Ленин вольно интерпретирует аргументы, предложенные Каутским.

4. Мою попытку проиллюстрировать этот тезис на английском материале см. в: Walzer M. The Revolution of the Saints. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1965. Ch. 4.

Сознание авангарда — занятие для интеллектуалов, каким-то образом вышедших из-под ограничений старого порядка, или освободивших от него себя самостоятельно. Эти-то люди, обычно молодые, и отвечают на распад своего мира посредством его отвержения. Они отбрасывают общепринятые образы существования, традиционные семьи и формы занятости; они выбирают маргинальность; они выносят преследования; они предпочитают изгнание. Они восприимчивы к радикальным и, как справедливо указывают их оппоненты, чужеземным идеям: кальвинизм в Англии XVI–XVII веков, английский либерализм и женеvский республиканизм во Франции XVIII века, марксизм в России и Китае. Революционные идеи никогда не возникают на местном уровне, равно как и сами революции. Во всяком случае, они исходят не из центра, но из отдаленной периферии предреволюционного мира. В то время как новый класс развивается в чреве старого общества, его рождение («Насилие — повивальная бабка...») стимулируется извне.

Сознания класса и авангарда различаются кардинально, и природа их различий примечательна. Ее иллюстрацией может служить аналогия с исходом израильтян из Египта, часто встречающаяся у пуританских радикалов и время от времени у якобинцев. Исход движим двойным сознанием. Народ (угнетенный и революционный класс) заморожены видением «земли молока и меда»; Моисей и левиты (авангард) увлечены образом «нации священников и святых». Для успеха необходимы обе группы и оба видения: без народа не будет новой страны, без Моисея и левитов земля не будет отвоевана. Как то следует из Библии, народ сам по себе не покинул бы Египта или быстро вернулся бы к египетским котлам мясным. Было бы ошибкой видеть во всем лишь конфликт интересов масс с интеллектуальным идеализмом, ведь можно быть весьма идеалистически настроенными в отношении молока и меда, а группы, подобные левитам, быстро приобретают законный интерес к святости. Интересы и идеалы каждой из сторон вступают в сложное взаимодействие и открывают дорогу союзу священников и народа, авангарда и класса. Две формы сознания отражают две формы опыта — рабов в Египте и Моисея в изгнании посреди пустыни — которые, тем не менее, являются опытом связанных друг с другом и способных к взаимопониманию форм.

Два вида опыта порождают два типа политических объединений. Политика класса инклюзивна и многообразна. Знать, торговцы, рабочие и крестьяне при старом порядке живут одной жизнью — волей-неволей делят опыт, без оглядки на персональные мнения и чувства. Таковы следствия коллективного проживания, а не индивидуальной прихоти. Поэтому классо-

вые структуры открыты, а их внутренняя жизнь обычно и прежде всего принимает форму свободно управляемой демократии.

Авангард, напротив, группа закрытая и эксклюзивная. Членство в ней является вопросом личного выбора, но также требует одобрения старых членов, которые установили определенные критерии членства по собственному усмотрению. Дабы гарантировать сохранение особого характера группы им нужно удостовериться в преданности будущей братии или товарищей. Здесь совместное проживание или классовое происхождение едва ли играет какую-то роль. Большим значением обладают взгляды, идеология, энтузиазм, готовность подчиняться общей дисциплине. Крейн Бринтон писал, что якобинская идеология стала ответом на запрос на нацию со стороны мелких землевладельцев и лавочников, мечту о «рае зеленщиков» (*greengrocers' paradise*)⁵. До определенной степени это так, и каждый зеленщик предположительно обретал в этом раю свое место. Однако интеллектуальные лидеры якобинцев имели в виду образ республики добродетельных зеленщиков — проверенных и одобренных на собраниях якобинских клубов. Эти два видения пересекаются, но не совпадают.

Внутренняя история революции в значительной мере состоит в проработке того напряжения, которое имеется между этими представлениями и двумя группами их носителей. «Смена различных стадий революции, — писал Троцкий, — как и переход от революции к контрреволюции непосредственно определяется изменяющимся политическим взаимоотношением между... авангардом и классом»⁶. На мой взгляд, эти отношения в свою очередь опосредуются различием социальных структур и относительным политическим влиянием двух названных групп. Попытки установить революционный диктат, претензии на святость, добродетель, коммунистическую дисциплину, использование террора, возможность термидорианской реакции, успех или провал в создании ответственного правительства — все это зависит от взаимодействия авангарда и классов, и лишь затем от исторических факторов, данное взаимодействие определяющих.

Анализ неверно было бы начинать с рассмотрения авангарда и класса в отдельности, так как принципиальное значение имеет связь между определенным авангардом и конкретным классом в некоторый момент времени. Баланс сил, их относительное влияние и компетентность двух групп предопределяет характер революционного процесса. В идеале это соотношение требует подробного описания, однако я с очевидностью не смогу преде-

5. *Brinton C. A Decade of Revolution: 1789–1799. NY: Harper & Brothers, 1934. P. 136.*

6. *Троцкий Л. Шумиха вокруг Кронштадта // Бюллетень оппозиции (большевик-ленинцев). 1938. № 66–67. С. 22–23.*

вать здесь эту работу. Я предлагаю лишь краткий исторический обзор отношений класса и авангарда в великих революциях.

Клерикальный авангард, например, пуританские священники, противопоставляет себя любым группам мирян и ставит себя выше них. Он претендует на обладание пусть больше не магическими силами, но особым знанием и располагает большим ресурсом внутренней дисциплины. Этот ресурс проявил себя, когда молодые и радикальные священнослужители основали первые в европейской истории Нового времени подпольные организации. Угрозу для протестантских священников представляет появление святых из числа мирян, которые могут либо перестроить авангард, влившись в его ряды, либо организовать сопротивление его инициативам. Появление в среде дворянства и купечества возродившихся в вере христиан мгновенно нейтрализует наиболее крайние формы притязаний клерикалов. Авангард мирян, руководимый, как правило, юристами и журналистами, занимает более слабую позицию относительно джентри и купцов, поскольку их знания не настолько специальные и изначально ими наделены все люди, с которыми они взаимодействуют. Именно принадлежащие к этим группам среднего класса интеллектуалы с наибольшей вероятностью способны выполнить сформулированную для них Лениным задачу, с которой не смогли справиться большевики: «Роль „интеллигенции“ сводится к тому, чтобы сделать ненужными особых, интеллигентных руководителей»⁷. Отсюда слабость радикальных интеллектуалов как особой организованной группы во время Французской революции и фактическое отсутствие авангарда в 1830 и 1848 годах.

Организация требует не только знаний, но и опыта. Сотни лет протестантского экспериментирования с конференциями и конгрегациями — грубо говоря, период отстаивания джентри своих прав в Парламенте — представляют собой долгий путь к выработке конкретных форм взаимодействия с 1640–1650-х годов. Первые годы после 1789 года радикалы, напротив, вынуждены были резко перестраивать общественные отношения. Во французском обществе XVIII века существовали лишь рудиментарные формы светской политической или интеллектуальной организации (салоны, литературные и научные общества, масонские ложи). Якобинские клубы, прошедшие через расколы и чистки, послужили первым приближением к системе партийных ячеек, облегчивших впоследствии деятельность авангарда. Они испытывали нехватку подготовленных дисциплинированных кадров, а члены клубов существенно различа-

7. Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократии? // ПСС 5. Т. 1. С. 309.

лись по опыту и убеждениям от своего ближайшего социального окружения. Недолгое существование якобинской республики и ее неспособность оставить после себя сколь-либо заметное институциональное наследие, по-видимому, связаны с практически полным отсутствием якобинства как политического движения до момента основания республики.

В более поздних революционных выступлениях независимость авангарда укреплялась глубиной пропасти, пролежавшей между его представителями и малообразованными, неорганизованными общественными классами. Позиции авангарда были гораздо прочнее в среде новых промышленных рабочих и патриархального крестьянства, чем среди дворянства и торговцев, сравнение же двух первых групп было явно в пользу крестьян. Селиг Перлман, опираясь на ленинскую социологию, доказывает, что власть радикальной интеллигенции над рабочим классом снижается в процессе подъема профсоюзного движения⁸. Чем более организован класс, тем менее влиятелен авангард. Если это действительно так, отсюда следует, что пролетариат развитого индустриального общества будет противостоять авангарду сильнее, чем другие социальные группы, причем по вполне, так сказать, марксистским причинам: повседневная жизнь приводит к формированию у людей крайне высокого уровня солидарности, политической искушенности и относительно надежных механизмов защиты. Возможно, поэтому не было еще революции, которая нашла бы массовую поддержку в среде зрелого рабочего класса.

Условия, при которых социальный класс подчиняется указаниям авангарда, близки к тем, в которых складывается доминирование любого другого типа элит. Во-первых, классовый баланс: в этот момент истории старый правящий класс более не может сохранять свои политические позиции, а поднимающийся — еще не утвердил свою власть. Об этом балансе сил говорит Энгельс, когда объясняет природу абсолютизма Нового времени⁹. Однако он мог бы дополнить свой анализ указанием на то, что этот баланс помогает объяснить роль радикальных интеллектуалов в борьбе против абсолютизма. Когда борьба начинается, баланс смещается в пользу поднимающегося класса, и если последний достаточно сплочен и хорошо организован, подъем авангарда будет недолгим. Продлить его сможет лишь отсутствие социального класса, отстаивающего собствен-

8. *Perlman S. A Theory of the Labor Movement. NY: Macmillan, 1928.*

9. *Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2 изд. М.: Госиздат, 1961. Т. 21. С. 170.*

ное право на власть. Второй причиной может стать недостаточное развитие класса — главное условие продолжительного диктата авангарда. Здесь задействовано множество факторов. Размер класса, ресурсы, образование, организационные структуры и традиции борьбы предопределяют конкретные революционные возможности бюргеров и пролетариев. Массовая неграмотность, географическая разбросанность и сугубо локальная сплоченность — вот причины принципиальной неспособности к революционным выступлениям традиционного крестьянства.

Радикализм Нового времени с самого начала стремился привлечь на свою сторону крестьянство — вовлечь в политическую жизнь социальный класс, наименее способный к организации и независимому действию, более других нуждающийся в лидерстве авангарда и наиболее подверженный его влиянию. Нельзя сказать, что авангард полностью свободен от классового контроля; я лишь хочу провести здесь сопоставление. Пуританский священник тесно связан, а отчасти зависим от английского джентльмена. Каждому его шагу предшествует обсуждение. Он крайне скован в своих экспериментах. Даже достигнув успеха в привнесении пуританской морали в законы, он не в состоянии принудить кого-либо к их исполнению. Джентри XVII века служит классическим примером группы, противостоящей инициативе авангарда. Уже находящееся под контролем Палаты общин, политически искушенное, образованное, экономически самостоятельное джентри в союзе с торговцами выступало агентами первой и, вероятно, наиболее успешной термидорианской реакции. Но даже этот класс нуждался в клерикальном авангарде, пусть и временно. Священники были инициаторами решительных изменений революционной политики и носителями того пыла, без которых монархия едва ли могла быть свергнута.

Легко представить, насколько более острую «потребность» в таких людях испытывают разобщенные классы, не имеющие решительно никакого доступа к ресурсам, образованию и руководству. Термидорианские меры могут опираться на крестьян, как, например, это происходило при насаждении новой экономической политики в России. Чрезвычайно существенно однако, что НЭП был большевистской политикой, направленной на усмирение крестьян, а не движением последних по свержению большевизма: «...Уступки термидорианским настроениям и тенденциям мелкой буржуазии, — писал Троцкий в 1921 году, — коммунистическая партия сделала без ломки системы и не выпускающая руля»¹⁰. В России (равно как и в Китае) не было аналога

10. *Троцкий Л.* Между империализмом и революцией: основные вопросы революции на частном примере Грузии. М.: Госиздат, 1922. С. 118.

джентри или французской буржуазии, не было и местного класса, способного к распространению собственного образа жизни, утверждению своего идеологического или организационного превосходства и замещению собой режима авангарда.

Термидор подвергает отношения класса/авангарда решительным испытаниям, и я охарактеризую их в общих чертах. Их не следует буквально отождествлять с политическими интригами лета 1794 года, дорогу которым открыло поражение, нанесенное революционным силам якобинской диктатурой, и рост ощущения скорой реставрации старого порядка. Термидор не есть контрреволюция, хотя он и открывает возможности для контрреволюционной политики, но скорее момент противопоставления себя революционным классом политике авангарда¹¹. Если, как в случае России, революционным классом выступает пролетариат, то Кронштадт и Рабочая оппозиция есть не что иное, как оборвавшиеся термидорианские тенденции. Если же говорить о крестьянах, то максимально близким к Термидору оказывается НЭП. Политика авангарда проявляет себя в периоде революционной истории, называемым Террором — предельно антиавангардно заряженным словом. Этот термин также не следует понимать упрощенно — как гонения и казни якобинского режима¹². Террор есть диктаторское насаждение идеологии авангарда. Поэтому Термидор обозначает конец диктатуры, а его успех или провал предопределены «изменением политических отношений» авангарда и класса. Провал Термидора означает продолжение Террора.

ХАРАКТЕРИСТИКА ИДЕОЛОГИИ АВАНГАРДА

Идеология авангарда, а, следовательно, и политическая характеристика Террора, обнаруживает сходные черты во всех великих революциях. Ее специфическое содержание отражает смену интеллектуальных традиций — теология Реформации, неоклассический республиканизм, ленинская политическая теория. Однако базовая структура и общие линии аргументации авангарда сохраняются, даже когда радикальные интеллектуалы апеллируют к разным социальным классам. Объясняется это тем, что

11. См. заключение Жоржа Лефевра в книге: *Lefebvre G. The Thermidorians*. NY: Vintage Books, 1966. Гл. 11.

12. Дойчер был, несомненно, прав, когда в полемике с Троцким заявлял, что сталинские чистки были чертой русского террора, но не русским термидором (*Deutscher I. The Prophet Outcast*. London: Oxford University Press, 1963. P. 316).

положение интеллектуалов по отношению к другим классам и к старому порядку в целом остается в сущности неизменным. Разумеется, форма предъявления аргументов меняется — стоит, вероятно, отметить общее снижение их интеллектуального качества и сужение количества ссылок в революционной литературе с XVII по XIX век. (Здесь я говорю лишь о пропаганде авангарда, а не о более вдумчивых и теоретических работах его представителей.) Строго доказательные, снабженные обильными комментариями проповеди пуритан не идут ни в какое сравнение с популярными произведениями современных китайских коммунистов. Низкопробный афористичный стиль — каким он выглядит на английском языке — «Красной книжечки» невозможно мысленно поместить в контекст английской или французской революций. Кальвинизм поднял популярное изложение на довольно высокий уровень, так как классы, среди которых велась популяризация, уже обладали солидной письменной культурой. Марксизм низвел популярное изложение до низкого уровня, поскольку его авангард писал для классов, не имевших собственной письменной культуры.

Значения всех названных различий, однако, отступают на второй план на фоне глубоких сходств в идеологии авангарда. Последние позволяют видеть во всякой новой революции нечто, уже имевшее место ранее. Первое сходство довольно очевидно. Кальвинизм и марксизм, так же как и, в меньшей степени, республиканизм, внушают своим последователям представление о подлинно интеллектуальном образе жизни. За каждым из этих вероучений стоит традиция учености, они требуют исследования, которое вносит порядок в широкий спектр исторических, культурных и политических явлений. Жизнь для авангарда — опыт познания. Его члены обладают доктриной, которую они применяют и искусно с ней управляют, и это обладание чрезвычайно в их притязании на власть. Представители революционного класса существуют без доктрины до тех пор, пока не начинают учиться у авангарда. Они разделяют широкий набор социальных интересов и чаяний, придерживаются общих мнений и не испытывают потребности в доктрине. Но интеллектуалы авангарда, социально безучастные и часто пренебрегающие общим мнением, склонны и, возможно, нуждаются в том, чтобы быть доктринерами. Их рвение имеет прежде всего интеллектуальную природу.

Это рвение принимает три разные, но связанные друг с другом формы.

1. Оно носит пуританский характер. Идеология авангарда придает огромное значение самоконтролю, коллективной дисциплине и взаимному наблюдению (пуританский «священный при-

смотр» (holy watching)). Они стремятся задать высокую планку методической работы и обуздать или ограничить любые формы расходования энергии на забавы. Идеи авангарда о фронтах революционной деятельности, по всей видимости, связаны с представлением о численности тех, кто способен поддерживать необходимый уровень дисциплины. Фронты ширятся, во всяком случае, в теории, по мере того как рабочие и крестьяне вступают в революционную коалицию. Так, Ленин в «Государстве и революции» заявляет, что каждый может воспитать в себе самоконтроль, ввести его в привычку и следить за другими так, что полицейские, как и интеллектуальный авангард, однажды станут просто лишними. Но Ленин не собирался ждать этого прекрасного дня: «Нет, мы хотим социалистической революции с такими людьми, как теперь, которые без подчинения, без контроля, без „надсмотрщиков и бухгалтеров“ не обойдутся»¹³. Авангард должен будет осуществлять контроль — больше некому. Готовя соратников к этой задаче, Ленин часто выглядит пророком веберовского протестантизма, страстно обличающего «разгильдяйство, небрежность, неряшливость, неаккуратность, нервную торопливость, склонность заменять дело дискуссией, работу — разговорами, склонность за все на свете братья и ничего не доводить до конца»¹⁴. Черта подлинного пролетария для Ленина — не классовое происхождение или особое отношение к производительным силам, но самообладание.

Мы достоверно не знаем, насколько самообладание эффективно. Оно не сделало полицию ненужной, но что мы знаем точно, так это то, что в истории каждого авангарда были периоды, когда святость, добродетель или коммунистическая дисциплина поддерживались на высоком уровне. Знаем мы и то, что класс, с которым авангард взаимодействует, всегда сопротивляется этой суровой морали. Разумеется, не единодушно: находятся у авангарда и сторонники, в особенности в героические и кризисные периоды; преобразенные формы добродетели подчиняются нуждам отдельных классов или их частей; а принудительное навязывание морали может служить выражением существующих классовых противоречий (в особенности когда прежний правящий класс был праздным, аристократическим и «упадочным»). Так интеллектуалы авангарда обретают соратников из числа мелкой знати, торговцев, рабочих и крестьян. Впрочем, история каждой революции является частью истории сопротивления добродетели со стороны народа. Здесь нам опять вспоминается история Исхода. Согласно легенде, в день, когда

13. Ленин В. И. Государство и революция // ПСС 5. Т. 33. С. 49.

14. Он же. Как организовать соревнование? // ПСС 5. Т. 35. С. 201.

израильтяне покинули гору Синай, они шли в два раза быстрее обычного, чтобы уйти как можно дальше. Они не хотели получить никаких новых законов.

2. Идеология авангарда выражает стремление к политическому активизму и участию, к самоуправлению, часто понимаемым как следствие или синоним самообладания. Можно представить себе диалог самодержцев старого порядка и авангарда нового. Самодержец, как прилежный последователь Гоббса, заявляет: «Абсолютная власть необходима для социального порядка, поэтому я буду угнетать вас». Интеллектуалы авангарда ответят: «Для социального порядка необходимы святость, добродетель или коммунистическая дисциплина, поэтому мы будем угнетать себя сами». Самоуправление, понимаемое как коллективное самоугнетение, должно быть общим делом тех, кто уже научился самодисциплине, или кто оказался вовлеченным в принуждающую к ней группу. Отсюда происходит то значение, которое в политической практике авангарда придают конгрегации, клубу или партии. Представители класса, напротив, в целом склонны находить более непосредственные формы самоуправления через парламенты, ассамблеи и советы. Ханна Арендт в книге «О революции» совершенно справедливо замечает, что свобода есть самая суть революции¹⁵. Однако в революционном процессе на кону оказывается два вида свободы. Для класса свобода — естественное, или изначально принадлежащее человеку, право; нужно лишь создать условия, в которых она могла бы быть реализована — учредить площадки для демократической политики. С точки зрения авангарда, свобода должна быть заработана; мужчины и женщины станут свободными после долгого периода внутренней (религиозной или психологической) и внешней борьбы.

Поэтому интеллектуалы авангарда с охотой повторяют аргументы прежних элит: люди не готовы к самоуправлению, свободным выборам и свободной прессе. Доказательством этой неготовности служат повсеместные термидорианские тенденции, которые авангард называет контрреволюционными. Традиционным ответом на них является чистка, которая избавляет политическую арену от тех, кто предположительно проголосовал бы за возвращение в Египет. Но чистка объявляется декларативно временной мерой — необратимой лишь для своих жертв. В конечном счете и в своем основании союз братьев, граждан или товарищей должен включать всех.

15. См.: Арендт Х. О революции. М.: Европа, 2011.

3. Авангард характеризуют глубинные эгалитарные тенденции. Его действия ставят под сомнение любые конвенциональные социальные различия. Его представители ведут войну против традиционных иерархий, основанных на праве рождения или крови, и осуждают претензии на власть, основанные на богатстве, а не на добродетели. Ненависть к личной зависимости, обостренное сознание ценности индивидуальных усилий — все это центральные черты идеологии авангарда. Они связаны с волюнтаристским характером революционной борьбы, а их символическим выражением служат новые обращения, распространяющиеся на всех ее участников вне зависимости от их социального происхождения. Революционные классы, несмотря на временное воодушевление борьбой, склонны к большей простоте и меньшей требовательности. Рассмотрим для примера два вида обращения эпохи буржуазного радикализма — господин (*mister*) и гражданин (*citizen*). Первое отражает классовое сознание и является не чем иным, как призывом к взаимному уважению. Второе отражает сознание авангарда и, будучи гораздо более нагруженным, предполагает общие заботы и общую деятельность. Во втором случае неясно, какого уважения можно ожидать, учитывая, что общих забот и деятельности в действительности не существует.

Когда авангард обращается к предельно угнетенным социальным классам, его моральный эгалитаризм порождает также запрос на имущественное равенство. Пуритане и якобинцы никогда всерьез не бросали вызов системе частной собственности, хотя политические привилегии последней, несомненно, подверглись бы разрушению в рамках священного содружества (*holy commonwealth*) или республики добродетели (*republic of virtue*). Коммунисты, очевидно, продвинулись существенно дальше, хотя и ограничились в результате признанием прерогатив коллективной собственности. Они не уступили власть рабочим и крестьянам, равные права которых на средства производства признавали. В действительности, попытки рабочих и крестьян придать своему новому равенству политическую форму расценивались скорее как контрреволюционные, в особенности после того, как коммунистический авангард принял за дело экономического развития.

В предшествующих революциях развитие не рассматривалось в качестве политического вопроса, поскольку рост экономики зависел от свободно избранной деятельности отдельных представителей революционного класса. Они нуждались в поддержке властей, но не в прямом руководстве или принуждении. Разительно отличается ситуация в России и Китае, где высвобождение классовой энергии и утверждение интересов классов не произвели ничего, кроме равенства неимущих (в идеологии авангарда — например, маоистского — равенства добродетель-

ных бедняков (*virtuous poor*))¹⁶. То есть авангард вынужден играть ту же роль, что и западноевропейская буржуазия, но в радикально иных обстоятельствах. Он создает иерархические структуры, условно и под маской идеологических оправданий и искажений воспроизводя те, что существовали в развитом буржуазном обществе. Свобода и равенство исчезают с его знамен. Остается преданность формам самоконтроля и рабочей дисциплине, необходимой для индустриализации.

Так, Ленин в 1918 году писал: «Учиться работать — эту задачу Советская власть должна поставить перед народом во всем ее объеме»¹⁷. Правительство и народ здесь заменили авангард и класс, но связь первых воспроизводит таковую у вторых. Правительство ставит задачи перед народом, а не наоборот. Повторюсь: эта модель возможна лишь в отсутствие экономически независимого и политически продвинутого социального класса. Линия на индустриализацию также исходит из желания авангарда сохранить свою новую политическую позицию, укрепить и развить страну, к управлению которой он пришел. Интеллектуалы авангарда теперь переориентируются на долгосрочные интересы своих граждан. В то же время они должны игнорировать или подавлять сиюминутные потребности того же субъекта. Они вступают в борьбу с «отсталостью» (*backwardness*).

В ходе этой борьбы члены авангарда приобретают все большее сходство с членами всех прочих правящих групп (модернизационных элит?), все больше привыкая к правительственным привилегиям, все более изолируясь от остального народа. Процесс, следующий за захватом власти можно называть — в очевидно не ленинских и не троцкистских терминах — рутинизацией сознания авангарда. Но такая рутинизация может быть мучительным процессом, поскольку борцы авангарда вносят в новые бюрократические роли представления о своем превосходстве (истинной идеологической позиции), презрение к врагам, выработанную готовность к схватке. Они, по крайней мере в начале, устойчивы к сентименталистским и коррупционным искушениям.

ИТОГ РЕВОЛЮЦИИ

Вышеприведенные рассуждения исходили из представления о едином, легко идентифицируемом авангарде и единственном революционном классе. Реальная картина оказывается намного

16. См.: *Schwartz B. The Reign of Virtue: Thoughts on China's Cultural Revolution // Dissent. May — June 1969. Vol. 16. P. 139–151.*

17. *Ленин В. И. Очередные задачи советской власти // ПСС 5. Т. 36. С. 189.*

сложнее. Группа авангардных интеллектуалов постепенно превращается в более ответственных лидеров, прямо контролируемых представителей класса (например, профсоюзных чиновников), и в то же время погружается в экзотический мир «новых мечтателей» (*new notionists*), изолированных сект и эксцентричных гениев, лишенных всякой социальной базы¹⁸. Революционный класс образован множеством групп, возможно, даже классов, как находящихся на подъеме, так и переживающих упадок. В него входят модернисты и традиционалисты, не только джентри, торговцы или рабочие, но также художники и крестьяне. Различные элементы составляют нестабильную коалицию и вступают в конфликт и с авангардом, и друг с другом.

Революционный мир, таким образом, еще более многообразен, чем я описал. Однако же он столь же планомерно приходит к индивидуальной унификации — к диктатуре, отличной от таковой у авангарда, к диктатуре лидера, воспользовавшегося моментом хаоса и упадка. Лидер привносит в революцию что-то от собственного характера, но также выражает важнейшие общественные тенденции. Порой лидер приспосабливается к поднимающемуся классу или возглавляет термидорианскую реакцию, как поступил Кромвель в последние годы жизни. Иногда он усиливает и персонифицирует террор, как это сделал Сталин накануне и после Второй мировой войны. Подобно авангарду диктатор укрепляет свою власть там, где массовый фундамент революции менее организован и сплочен. Культ личности процветает там, где политическая культура класса слабо развита. Остается неясным, однако, почему власть авангарда в таких обстоятельствах не может поддерживаться коллективными усилиями. То есть будучи частью политически неразвитого общества, радикальные интеллектуалы, несмотря на весь свой энтузиазм и дисциплину, разделяют эту неразвитость и, как правило, страдают от ее последствий, как то происходило в СССР.

Единое правление по всей вероятности является, тем не менее, временным условием, и когда мы пытаемся оценить долгосрочные следствия революционной деятельности, схема «класс/авангард» вновь обретает центральное значение. Мы можем выделить два возможных исхода событий. Первый: авангард побеждает и удерживает власть, делает свою диктатуру постоянной, устанавливает режим господства и контроля над слабыми социальными классами. Некоторое время он пытается воплотить свою радикальную идеологию, но постепенно рутинизируется. Опуская детали и характер этого процесса, можно

18. См.: *Purnell R. A Word to the World (1649) // Hill C. Milton and the English Revolution. NY: Viking, 1978. P. 108.*

сказать, что таким был предсказуемый исход большевистской революции. Диктатура авангарда была predetermined радикальной неспособностью какого-либо социального класса осуществить термидорианскую политику. Термидор, тем самым, является вторым возможным результатом: революционный класс противостоит и замещает авангард и медленно, посредством рутинной работы, создает новое общество по собственному образу. Затем он вновь привлекает авангардных интеллектуалов на социальные роли, занимаемые их родителями, то есть на второстепенные профессиональные и бюрократические позиции¹⁹.

Второй из этих исходов кажется мне более предпочтительным. Народное противостояние идеологии авангарда, пусть и безуспешное, чрезвычайно выразительно и, склонное к повторению, требует пристального внимания. Будучи одной из центральных черт революционного процесса, оно предопределяет то, что мы склонны считать законом революции: победа авангарда невозможна без радикального принуждения. Исходя из этого закона, лучше всего при наличии соответствующей возможности как можно раньше начать настаивать на ненужности авангарда. Лучшие революции совершены теми социальными группами, которые способны выразить свои коллективные представления и защитить себя от инициатив радикальных интеллектуалов. Работа этих групп и воплощает собой идею Термидора — оптимального итога, создающего ограниченное и социально ответственное правительство, более или менее демократическое в зависимости от размеров нового господствующего класса и доверия к нему. В Термидоре находят свое выражение воззрения Маркса на революционную политику — момент, когда правомерные функции «отнимаются у такой власти, которая претендует на то, чтобы стоять над обществом, и передаются ответственным слугам общества»²⁰.

Лишь две другие возможности помимо Термидора могут породить подобные надежды. Можно вообразить себе бегство авангарда, отказывающегося от политической власти даже в отсутствие непреодолимого сопротивления классов. Подобно государю Макиавелли, он собственными героическими усилиями создает республику, новый моральный миропорядок, но затем «вверяет республику заботам многих, чтобы ее могли защищать многие»²¹.

19. См.: *Brinton C. The Jacobins*. NY: Russell and Russell, 1950. P.13ff. Для анализа позднейшей деятельности якобинцев.

20. *Маркс К. Гражданская война во Франции* // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2 изд. М.: Политгиздат, 1960. Т. 17. С. 344.

21. *Machiavelli N. The Discourses*/Bernard Crick (Ed.), Leslie Walker (Trans.). Hammondsworth: Penguin Books, 1970. P. IX.

Можно также представить себе революцию без авангарда, которую производит социальный класс, свободный от закоренелой привязанности к старому порядку, с развитым в полной мере чувством собственного будущего, способный выдвигать лидеров из собственных рядов, лояльный самому себе — индустриальный пролетариат в марксовом (а не ленинском) понимании.

РЕВОЛЮЦИЯ БЕЗ АВАНГАРДА

Мы не имеем в прошлом ни одного примера развития событий в рамках обозначенных возможностей. Тем не менее, попробуем представить себе класс, лишенный авангарда, ведь нам ничто не мешает это сделать. От его членов требуется лишь сильное и мотивированное чувство общности интересов и коллективный идеализм. (Скрывшийся авангард, в свою очередь, принадлежит к области политической мифологии, поскольку для него необходимы почти священное самоотречение, столь несвойственное людям, прежде всего способным к захвату власти.) На что революция без авангарда может походить? Я использую для описания будущее время, а не сослагательное наклонение, хотя и не претендую на предсказание. Стоит, во-первых, подчеркнуть, что лишенный авангарда не значит лишенный лидерства. Это означает лишь, что лидеры революции не будут являться закрытой идеологической группой, ответственной друг перед другом и никем больше. Они будут отвечать перед людьми, которых ведут, выступать в роли агентов и представителей, будут сосуществовать с оппозицией в рамках движения или партии, их власть будет временной и может быть аннулирована. Такие лидеры по-прежнему могут быть блестящими, выдающимися, инициативными, но они будут разделять представления своих последователей, возможно, выражая их более связно или ярче их воплощая, но продолжать их разделять.

Разумеется, останутся и радикальные интеллектуалы с собственными воззрениями и представлениями о возможном будущем; я не пытаюсь их исключить. Эти последние будут по-прежнему формировать собственные группы: клубы, секты, партии, редколлегии. Но все они останутся группами маргиналов, так или иначе связанных с каким-то более масштабным движением — генерируя новые идеи, побуждая к действиям, — но не способных это движение контролировать. Лишенные подпольного статуса (не столько за счет усилий полиции, сколько в силу мощи и сплоченности нового класса), они оказываются вынужденными спорить, убеждать, советовать; тем самым они будут поставлены в рамки той деятельности, которую сами смо-

гут однажды признать морально и политически достойным интеллектуальным делом. Небольшая их часть может удариться в политические авантюры, выражая прежнее высокомерие своего рода. Однако чем сплоченнее класс, тем меньше останется места для подобного поведения. Как писатели и учителя интеллектуалы будут оказывать некоторое влияние на классовое сознание — что скорее хорошо, — но они не смогут заместить это сознание своим собственным — и вот это безусловно хорошо.

Но если классовое сознание, как я показывал выше, складывается внутри старого порядка и в своей политике нацелено на возможное к нему приспособление, как в принципе оно может создать революционное учение? Допуская, что определенные формы успеха на самом деле возможны, мне представляется несомненным, что революция без авангарда окажется поступательным процессом, «длинным маршем». Она примет форму цепи компромиссов, в каждом из которых новый класс обнаружит поле для политической деятельности и роста культурного влияния. Не претендуя на тотальную трансформацию, его члены будут постепенно обретать собственный способ существования и повседневные привычки в образе жизни окружающих. И однажды они обнаружат, что обитают, скажем, в республике рабочих. Освоив или решительно изменив формы повседневного труда и средств производства, они перенесут этот опыт и на другие сферы социальной и политической деятельности. Процесс будет планомерным, но не поэтапным. Он будет сопровождаться эпизодами беспорядков, волнений, но почти наверняка не приведет к одномоментному захвату власти.

Все это описывает модель революционной трансформации, приемлемой для высокоразвитых стран; лишь в них рабочий класс достаточно квалифицирован, современен, организован и дисциплинирован для того рода политики, которая в итоге окажется необходимой. Но даже в этих странах остается открытым вопрос, смогут ли рабочие — или кто-то еще — выдержать длинный марш. Не устанут ли они? Не наскучит ли он им? Не поддадутся ли они, или часть из них, искушению примкнуть к авантюрам авангарда? Или остаться дома и позволить новой элите — набранной из их числа, но от этого не лучшей — возглавить движение? Разумеется, марксисты указывали на подобные результаты. Один из сподвижников Троцкого, Жан Ванье, писал о послевоенном рабочем классе:

Он показал себя способным на всплески героизма, в которых приносил себя в жертву, не задумываясь, и обретал власть такой силы, которая позволяет потрясти общество до самых оснований... Но со временем, какими бы ни были последствия его

действий, победой или поражением, его в конце концов захватывало вялое течение повседневной жизни... Его мужества и самопожертвования оказывается недостаточно, чтобы сыграть роль, предписанную ему Марксом: роль политической силы²².

Течение повседневной жизни, каждодневные заботы — в этом глубочайший источник воспроизводства политической субординации. Ванье предполагает неизбежность появления авангардов и затем бюрократических элит, а также постоянную возможность терроризма. Но не следует поспешно соглашаться с таким предположением, поскольку существуют пути институционализации термидорианской политики — не только в государстве, но и в движениях, в формах политической жизни, которые проявят свою строгость и ответственность: регулярные выборы, оппозиционная деятельность, свобода слова и собраний. Большинство марксистов существенно недооценивали подобные явления, считая их лишь механическими мерами, полезными в определенный период времени. В действительности, они необходимы всегда, они есть начало и конец. Если революционное движение намерено создать демократическое общество, его развитие должно исходить из уже демократичного центра. Свободное членство, внутренняя свобода — формы будущего должны быть рутинизированы в настоящем, чтобы с распространением этих практик формы укреплялись, дополняя политическое самоуправление экономическим.

Проверкой для «поднимающегося» класса является его способность сохранить демократичность процедур в собственных структурах. Стоит, вероятно, сказать, что западный рабочий класс эту проверку не прошел. Впрочем, он и не уступил (как произошло с русскими и китайцами) руководству авангарда. В общем и целом, класс управляется собственными бюрократами, правительство же становится все менее стабильным, чем выше уровень образованности рабочего класса и чем лучше образованные рабочие (белые воротнички) организованы. Будущее по-прежнему открыто, и революция без авангарда, какой я ее описал, вполне вообразима.

Перевод с английского Ксении Колкуновой

22. Этой цитатой я обязан Ирвингу Хоу (Irving Howe); см.: *Howe I. Critical Point.* NY: Horizon Press, 1973. P.18.